

От авторов

Наша новая книга¹⁾ посвящена парадоксальной эпохе взаимоотношений вайнахов и советского государства. Она открывается описанием почти десятилетних утопических попыток советской власти воплотить старую имперскую мечту: выселить «беспокойных» чеченцев и ингушей за пределы Северного Кавказа, заселить освобожденные территории более «спокойными» народами, в первую очередь русскими, а в местах спецпоселений — в степях и горах Казахстана и Киргизии — создать (практически на голом месте) новый «осовеченный», подконтрольный НКВД атомизированный этнос. Заканчивается книга историей реабилитации и репатриации чеченцев и ингушей (как организованной, так и стихийной), триумфальным, во всяком случае с точки зрения вайнахов, возвращением в 1950-е гг. к могилам предков, статусным этническим повышением (восстановление чечено-ингушской автономии) и упорным выдавливанием чужаков из родных селений. Неудержимый порыв вайнахов из Казахстана и Киргизии на Кавказ в 1950-е гг., как благодаря, так и вопреки планам и предназначениям начальства, был воспринят чеченцами и ингушами как событие эпохальное, как результат упорного сопротивления. Благодарить за это советскую власть они были готовы лишь в самую последнюю очередь.

После возвращения вайнахов из ссылки начался относительно долгий, в каком-то смысле беспрецедентно долгий спокойный период во взаимоотношениях вайнахов с центральной властью.

¹⁾ Эта работа была написана в рамках большого международного исследовательского проекта, посвященного взаимоотношениям чеченцев и ингушей с Россией и СССР с конца XVIII до середины XX в. (См. «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.)» / авторский коллектив: В. А. Козлов (руководитель), Ф. Бенвенути, М. Е. Козлова, П. М. Полян, В. И. Шеремет; составители и авторы комментариев к документам: И. А. Зюзина (ответственный составитель), В. А. Козлов и М. Е. Козлова (раздел V–VI), Н. Л. Поболь и П. М. Полян (раздел II–IV), Т. И. Царевская-Дякина, В. И. Шеремет (раздел I)). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 1094 стр.: карты. Цитаты из выявленных и опубликованных авторами документов даются по вышеназванному изданию (разделы IV–VI).

Это время отличалось постепенным «вписыванием» чеченцев и ингушей в структуры советского (российского) социума. Требования большей независимости и желание следовать собственным обычаям и порядкам были несколько отодвинуты на второй план цивилизационным воздействием метрополии, которая, в отличие от имперских времен, обнаружила готовность не только *брать* у вайнахов или, подобно М. Т. Лорис-Меликову, перекладывать на местное население «издержки военно-политической стабильности — через местные налоги, бесплатные работы на дорогах и т. д.»¹, но и *давать* им (в лице их воссозданной государственности) не только чины, эполеты и привилегии для элит, но и электричество, газ, субсидии, дороги, образование, квоты при поступлении в высшие учебные заведения, медицинское обслуживание и т. д.

Ссылка, которая принесла столько страданий, но особенно последовавшая за ней репатриация несколько расширили условный ареал существования этноса, его обозримую и обозреваемую реальность. Вайнахи начали выходить, сначала под давлением обстоятельств, а затем с большим или меньшим желанием из автохтонной ниши в мир незнакомый, порой враждебный, но полный новых связей и возможностей. Именно после ссылки несколько ослабло напряжение в пространстве противоборствующих мифов — о конфликтных чуть ли не от природы вайнахах и о российской имперской власти, якобы обреченной вечно нести в себе ген тотального насилия.

История взаимоотношений вайнахов с империей, большой Кавказской войны, «освоения» и хозяйственной колонизации Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. отражена в огромном количестве содержательных работ². Гораздо меньше исследований, причем заведомо худшего качества, было в советское время посвящено эпохе революции и Гражданской войны³, времени так называемого «социалистического строительства», а также хрущевской «оттепели» и брежневского «развитого социализма»⁴. Написанные в имперской или советской парадигме, а во втором случае еще и переполненные передержками и умолчаниями, эти работы все-таки обеспечивали исследователей и просто любознательных читателей определенным количеством полезного фактического материала.

В последнее время к этим относительно изученным периодам добавились предыстория и история насильственной депортации

чеченцев и ингушей в 1944 г. (операция «Чечевица»). Надо сказать, что над историей «Чечевицы», как и других спецопераций по выселению «провинившихся» и/или «подозрительных» народов, исследователи интенсивно работали с конца 1980-х гг., и условия их работы кардинально отличались от условий работы предшественников. Во-первых, уже существовала диссидентская историографическая традиция, вершиной которой стали воспоминания А. Авторханова и написанная в первой половине 1970-х книга А. Некрича «Наказанные народы»⁵. А во-вторых, в 1990-х гг. значительная часть источников была рассекречена и стала доступна исследователям. В результате появились фундаментальные, во всяком случае достаточно пространные и наполненные неизвестными ранее фактами, работы по истории депортаций⁶.

На фоне очевидных историографических и археографических достижений последнего времени досадным белым пятном выглядит история чеченцев и ингушей с 1944-го до начала 1950-х гг. В советское время эта засекреченная история превратилась под гнетом цензуры и политики в первую очередь в историю Грозненской области, заселенную после депортации вайнахов и ряда других народов Северного Кавказа преимущественно русскоязычным населением. Доступ к источникам был открыт лишь с началом горбачевской перестройки. Поначалу немногие авторы испытали острое желание копаться в завалах документов, созданных в недрах советских учреждений, ответственных за контроль, надзор и «попечение» о спецпоселенцах, в том числе ингушах и чеченцах⁷.

Мы же были убеждены, что вайнахов, исчезнувших с политической карты Северного Кавказа больше чем на 10 лет, следовало в первую очередь вернуть истории. Этим непростым делом и занялись авторы публикуемой книги, едва перед ними открылся доступ к ранее секретным документам Государственного архива Российской Федерации — фондам Советов министров СССР и РСФСР, Верховных советов СССР и РСФСР, Прокуратуры СССР, Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР, а также материалам так называемых «особых папок» Секретариата НКВД (МВД) СССР, содержащих наиболее значимую информацию, предназначавшуюся для И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущева, к данным отдела специальных поселений (ОСП) МВД СССР. Архивы Чечено-Ингушской АССР, к сожалению, погибли во время последних чеченских войн

и в настоящее время восстанавливаются по дубликатам, сохранившимся в федеральных и местных архивах.

Авторы этой книги были в числе первых, кто посвятил себя профессиональному историческому исследованию проблемы⁸. А после начала проекта «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.)» мы надолго погрузились в архивные документы, посвященные terra incognita — истории вайнахской ссылки (1944–1953 гг.).

Очевидно, что объективный анализ отношений вайнахов и государства в годы расцвета советского «либерального коммунизма», а для авторов этой книги таким периодом всю жизнь была и остается «оттепель» (вторая половина 1950-х — 1968 г.), время их юности и несбывшихся романтических надежд, предполагает выяснение потребностей, интересов, ценностей, мифов и взаимных заблуждений сторон. Мы уверены, что объективность не означает отказа от оценок и выводов, а напротив, предполагает их. Другое дело, что в академической науке, в отличие от обыденного сознания, оценочные суждения могут и должны относиться не к «поведению», «характеру» или «врожденным свойствам» субъектов отношений, а к самим отношениям, их выстроенности, целесообразности, «политической корректности» и юридической обоснованности.

Первоначально исследование шло в рамках конфликтологического анализа разнообразных ситуаций и насильственных столкновений, возникавших накануне, во время и особенно после репатриации вайнахов на Северный Кавказ. Вершиной этих конфликтов стали многодневные античеченские волнения в Грозном в 1958 г., а также антиингушский погром в поселке Джетыгара на целине (1960 г.), подробно описанные в наших работах⁹. При этом сам по себе конфликт, понимаемый как противостояние сторон при несовместимой разнице целей (Ральф Дарендорф¹⁰), авторы не считали ни аномалией, ни социальной болезнью. Это естественная форма исторического процесса, органическое общественное состояние, обладающее очевидным конструктивным потенциалом, но способное при определенных условиях перерасти (или не перерасти) в открытое (или скрытое), активное (или пассивное) столкновение или противодействие — вплоть до войны и террора.

Вслед за Л. Коузером¹¹ мы исходим из того, что конфликт способен оказывать на социум положительное воздействие, выявляя

и фиксируя различие потребностей и интересов и заставляя искать компромиссы. Поиск подобных компромиссов — дело политиков. В случае же политических провалов конфликт неизбежно вступает в насильственную фазу, он не разрешается, а подавляется, ситуация оценивается в терминах «победа или смерть», «мы или они», основным «миротворцем» выступают полицейские силы и/или армия, с одной стороны, и этнические вооруженные группировки, с другой. Формируются новые субъекты конфликта, в принципе неспособные на компромисс.

Если исключить из рассмотрения как заведомо неприемлемые политические модели, предполагающие уничтожение/исчезновение одной из противоборствующих сторон (в этнополитических конфликтах это означает геноцид или насильственную ассимиляцию), то разрешение конфликта возможно только при обоюдном глубоком пересмотре заявленных целей и доминирующих культурно-ценностных систем, на которых эти цели основаны. При этом политические решения, даже радикальные, могут способствовать или препятствовать подобному пересмотру, но по сути своей он (этот пересмотр) не может быть не чем иным, как длительным культурным взаимодействием. Стать лидером такого процесса больше шансов у того, кто заведомо сильнее, но только в том случае, если его *modus vivendi* достаточно привлекателен для уступающей/отступающей стороны и он может не только предложить/навязать лидерство и дополнительные возможности и ресурсы, но и продемонстрировать собственную способность изменяться и адаптироваться к новой реальности.

Авторы книги надеются, что знакомство с представленным историческим материалом станет для людей, наделенных властью, влиянием и просто здравым смыслом, своеобразным сеансом социального психоанализа. Эти материалы помогают высветить темные закоулки исторической памяти народов, найти точки совместимости, рационализировать конфликт, перевести его историческую подоплеку из сферы коллективного подсознательного в область понимания и прагматики.

В силу банальной причины — недостаточности адекватной исследовательским задачам источниковой базы, плотно замотанной в колючую проволоку из государственной тайны полувековой давности, — мы вынуждены были завершить наше исследование концом 1950-х — началом 1960-х гг. XX в.

Для полноценной характеристики более поздних событий авторы не располагали необходимым и достаточным количеством документов, хоть сколько-нибудь сопоставимых по информационной ценности с материалами предшествующих периодов. Остается надеяться, что досадная лакуна — феномен мирной советской Чечни 1960-х — первой половины 1980-х гг. — будет заполнена будущими историками по мере рассекречивания архивных документов.

Глава 1 написана Ф. Бенвенути, главы 2, 3 и 4 — В. А. Козловым и М. Е. Козловой; «Вместо заключения» — В. А. Козловым; текст «От авторов» подготовлен авторским коллективом совместно.

Глава 1. Россия, Запад и Чечня

Образованная Европа узнала о чеченцах в XIX в. Литературные произведения Лермонтова, Пушкина и Толстого о Кавказской войне создали в сознании европейцев романтический образ живописных и диких горцев. В те легендарные времена шейха Мансура, прославившегося борьбой с российской экспансией на Северный Кавказ, считали на Западе чуть ли не итальянским авантюристом, принявшим ислам. Но более важно, что в 1786 г. будущий европейский революционер Филиппо Буонаротти назвал Мансура автором программы религиозных и социальных реформ, вдохновленных идеями Просвещения¹². А в прославленном имаме Шамиле, лидере Чечни и Дагестана в войне с Россией, ставшем национальным символом ряда народов Северного Кавказа, романтическая европейская интеллигенция увидела сходство с такими героями национально-освободительных движений, как алжирец Абд-эль-Кадер и даже итальянец Джузеппе Гарибальди¹³. Потом о Чечне почти забыли. Лишь после доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС наиболее информированная и политизированная часть западной общественности узнала о трагедии чеченцев и ингушей, которые вместе с другими малыми народами Северного Кавказа были названы жертвами сталинских репрессий. Но это указание на участь вайнахов терялось в кошмаре прочих сталинских преступлений, перечислявшихся после 1956 г. в обширной западноевропейской и американской литературе по истории СССР¹⁴.

Мировая известность вернулась к Чечне в результате двух войн, развернувшихся на ее территории — в 1994–1996 гг. и осенью 1999 г. В боевые действия были вовлечены две российские армии, воевавшие против множества локальных вооруженных формирований, начинавших играть в 1995–1996 гг. роль национально-освободительной армии. Первая война произвела на западное общественное мнение особое впечатление. Из-за тогдашней российской военной тактики, весьма безжалостной, безнадежно ошибочной и в конечном счете безрезультатной, эта война сопровождалась большим количеством жертв среди мирного населения (как чеченцев, так и русских). Российские и международные агентства, как политико-дипломатические, так и неправительственные, пристально следили за боевыми действиями. Ход войны детально освещали западные

средства массовой информации. Драматические чеченские события 1990-х гг. дали достаточно пищи для размышлений как о правах человека в новой России, особенно на Северном Кавказе, так и для анализа возможных дестабилизирующих геополитических последствий войны в Чечне на обстановку в Евразии.

Энергичные западные журналисты, писавшие хронику военных действий в основном с колокольни чеченских националистов, впоследствии подробно запечатлели свой специфический опыт¹⁵. Многие авторы подобных публикаций стремились дать читателю представление и об исторической подоплеке северокавказской драмы. В своих попытках они опирались на более или менее достоверные научные знания, накопленные западной наукой на протяжении XX в.¹⁶ Как оказалось, западная историография Чечни отнюдь не была исчерпывающей, если не сказать больше. Подробные и основательные описания войн и восстаний XVIII–XIX вв. соседствовали с относительно правдоподобными и весьма краткими реконструкциями истории чеченцев при советской власти¹⁷. Эти работы представляли собой главным образом историю имперских, большевистских и сталинских преследований чеченцев и других национальностей бывшей Российской империи. Хронологически западные исследования заканчивались, как правило, историей массовых депортаций с Кавказа чеченцев, ингушей и некоторых других соседних с ними народов. Немало внимания уделялось исламскому фактору, который постоянно поддерживал чеченское сопротивление, — от распространения мюридизма до ваххабизма.

Даже принимая во внимание трудности доступа западных историков к имперским и советским архивам вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг., следует отметить отсутствие оригинальных работ, освещающих другие аспекты чечено-российских отношений, или попыток углубленного исследования чеченского общества (общества), его политической, экономической, культурной и особенно религиозной эволюции под постоянным воздействием российского (советского) государства. Практически ничего не знаем мы и об истории чеченской диаспоры. Чеченцы живут не только в российских столицах — Москве и Санкт-Петербурге, но и в районах восточнее Урала, а также на Среднем Востоке, куда тысячи чеченцев (вместе с другими народами Северного Кавказа, например, черкесами) были вытеснены царскими войсками после поражения имама Шамиля¹⁸. Очевидно, что только адекватный исторический

анализ развития чеченского общества может дать нам инструментальное знание, позволяющее объяснить коллективное поведение чеченцев и ингушей после включения Чечни в состав Российской империи, когда в вайнахское сообщество начали проникать социальные и экономические институты, отличные от традиционных.

Экономический бум последних двух десятилетий XIX в., бурный рост нефтяной промышленности на территории Чечни сопровождался развитием Грозного как современного города и столицы региона, возникновением местного предпринимательского класса и интеллигенции. Следует всё же заметить, что даже в советский период с промышленным производством и массовыми городскими профессиями было связано не больше трети местного населения. Большинство продолжало заниматься сельским хозяйством, кустарными промыслами и мелкой торговлей. Исследователям еще предстоит разобраться в том, как и до какой степени эти особенности социальной и экономической структуры (необычной для СССР, особенно после Второй мировой войны) повлияли как на формирование тенденции к интеграции в советский контекст, так и на противодействие этой интеграции. Подобный анализ может быть продолжен вплоть до времени, последовавшего за распадом СССР, чтобы понять глубинные процессы, благодаря которым круг возможных решений чеченского национального кризиса был предельно сужен активностью локальных политических группировок и традиционалистскими пережитками в массовом сознании.

По мере приближения к современности сложный процесс включения вайнахов в ткань великого евразийского государства приобретал всё более драматический и трагический характер. Политические проекты Российского государства в отношении Чечни часто оказывались адской смесью из наиболее спорных идей социального прогресса, возникших в европейской общественной мысли XIX в., с одной стороны, и радикальных версий традиционного деспотизма, бюрократизма, великодержавности и имперского экспансионизма, с другой. Причины растущего интереса мирового научного сообщества к истории Чечни, какими бы эмбриональными ни казались нам современные знания об этом предмете, в принципе несложно определить. История Чечни с конца XVIII в. (по меньшей мере) является частью истории колониализма и европейской экспансии в мире. Она важна для изучения закономерностей развития великих континентальных империй — России, Австро-Венгрии

Габсбургов и Османской империи, не имевших явно выраженных границ между метрополиями и новыми территориями. Плодородные равнины северной Чечни были с конца XVII в. предметом конфликта между местным населением и казаками, ставшими проводниками православия и российской государственности на всем протяжении южных и восточных границ молодой империи. В течение десятилетий, прошедших после начала XVIII в., политическая устойчивость и неохотное согласие местных элит с русским военным присутствием в стратегических точках Кавказа, включая крепости, построенные на подступах к горной части Чечни, стали необходимой предпосылкой русского доминирования в Грузии, Дагестане и на западном побережье Каспийского моря — в районах, открытых для военного вмешательства Османской, Персидской, а позднее и Британской империй.

История Чечни и Ингушетии — частный случай в истории сопротивления народов колонизации со стороны великих держав и модернизации европейского типа. После выхода из череды кавказских войн в начале 1860-х гг. влиятельные группы чеченского общества утвердились в мысли о приемлемости вооруженной борьбы как средства полной или частичной ревизии результатов завоеваний или получения надежных гарантий сохранения или восстановления традиционных форм жизни своего этноса. Частично это было продуктом религиозного пыла, всегда тлеющего в Чечне, а время от времени вспыхивающего в форме джихада. Даже под пятой особенно жесткого режима управления, созданного при советской власти, большая часть чеченского общества стремилась (и часто получала искомое) к увековечению своего традиционного образа жизни под камуфляжем «советизации».

В свое время Шамиль столкнулся с серьезными трудностями, пытаясь распространить среди чеченцев нормы шариата взамен обычного права — адата. В литературе высказываются даже предположения, что сопротивление чеченских кланов навязыванию шариата как единственной нормы жизни было в числе причин, по которым противодействие чеченцев русской армии во время Кавказской войны, в конце концов, несколько пошло на убыль. Религия, безусловно, сыграла выдающуюся роль в чеченской истории. И в этом чеченская проблема тесно связана с родственным историческим феноменом — мусульманским возрождением последних десятилетий XX — начала XXI в., равно как и с периодически

накатывающими на мир волнами исламского сопротивления и терроризма. Но эта проблема имеет и вполне самостоятельное значение и смысл. Не только и не столько «исламский фактор» сам по себе способен объяснить природу длительного и упорного сопротивления чеченцев России и ее экспансии. Не меньшее (по крайней мере) значение имело постоянное и глубокое пренебрежение как царской, так и советской власти — к чеченцам. Страдания и унижения, экономическая отсталость консервировали у каждого чеченца самоощущение воина, с незапамятных времен находящегося в состоянии перманентной войны, сплавляя «антирусскость» с традиционными («архаичными») моральными ценностями и нравами (чеченская «свобода»), исламским сознанием и повышенной национальной чувствительностью.

В противоположность большинству случаев успешного строительства новых государств на территории бывшего СССР (за исключением еще, может быть, Таджикистана) формирование устойчивого государственного образования в Чечне долгое время было заблокировано обстоятельствами, которые можно считать только косвенным последствием военного противостояния России. Дело еще и в исторически сложившейся диспропорции между национальным самосознанием, этнической чувствительностью и продолжительной борьбой за независимость, с одной стороны, и способностью этноса подкрепить свои ожидания и надежды организацией прочного и органичного общества и стабильных государственных институтов, с другой. Не исключено, что традиционная социальная структура и общественный уклад чеченцев поддерживали себя только благодаря тому, что Чечня упорно сопротивлялась своему включению в российскую (советскую) политическую и социальную систему. При том что традиционные социальные и культурные формы являлись эффективной основой чеченского сопротивления, они в то же время препятствовали развитию легитимной и прочной чеченской государственности.

В заключение следует сказать, что далекие события — сталинская депортация чеченцев и ингушей в Казахстан и Центральную Азию в 1944 г. — оказались трагически созвучны критическим событиям мировой истории конца XX — начала XXI в. С одной стороны, этот эпизод жестокого и грубого национального и социального управления привлекает наше внимание к истории советской национальной политики, ее основополагающим формам